

Фрауке
Шойнеманн

Приключения
КОТА-
детектива

Уинстон,
берегись!

Приключения кота-детектива

Фрауке Шойнеманн
Уинстон, берегись!

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Гем)-44

Шойнеманн Ф.

Уинстон, берегись! / Ф. Шойнеманн — «Эксмо»,
2015 — (Приключения кота-детектива)

ISBN 978-5-04-088615-9

И всё-таки этот семейный ужин Уинстон представлял себе по-другому. Противные племянники профессора Вернера, то и дело готовые схватить его за хвост, – что может быть хуже?! Но оказалось, что издевательства маленьких мучителей не самое страшное на свете. Ведь после ужина Уинстон чуть не умер от боли в животе. Ужасный скандал: ветеринар уверен, что усатого детектива хотели отравить!

УДК 821.112.2-053.6
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-088615-9

© Шойнеманн Ф., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог, или Кот в беде!	6
Концерт для двух блок-флейт и бездарного вокала	7
О спасителях мира, соусе из тунца и плохих людях	11
Об одеялах и грелках. А также о детях, растущих в саду	15
О мисках и пухологах. И о друзьях-итальянцах	19
Мир во всем мире. И даже между Анной и Беатой	24
Объявление, хороший план и китайский император	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Фрауке Шойнеманн

Уинстон, берегись!

Frauke Scheunemann

Winston – im Auftrag der Ölsardine

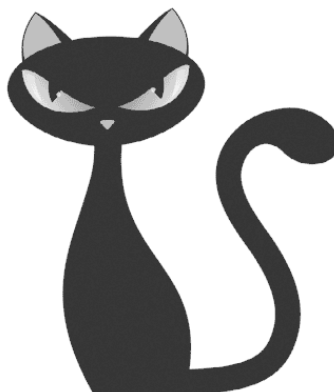
© 2015 Loewe Verlag GmbH, Bindlach.

© Торгашина Анна, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Для моей храброй Греты

Пролог, или Кот в беде!

Ну вот и все. Назад пути нет. Пробил мой последний час. И пробил он не дома, где я лежал бы на своем любимом диване, в уютном уголке, согретом лучами солнца, в кругу семьи, обступившей меня со словами прощания. Нет, он пробил прямо на холодном металлическом столе в ветеринарной клинике доктора Вильмес.

С другой стороны – пусть уж лучше моя короткая кошачья жизнь оборвется прямо сейчас, на полувздохе, чем претерпевать страдания дальше. Живот болит так сильно, что меня просто разрывает изнутри. Вернер Хагедорн, мой верный двуногий друг, едва заметив, что мне нехорошо и что я то и дело падаю, сразу же привез меня сюда. Теперь он стоит возле стола и успокаивающе гладит меня по голове. Но по его лицу видно, что он ужасно за меня беспокоится. И моя лучшая подруга Кира, которая всю дорогу сюда держала меня на руках и гладила, едва сдерживает слезы. Похоже, дела мои совсем плохи, мяу!

Когда врач попыталась ощупать мой живот, я из последних сил засучил лапами, стараясь вырваться, но быстро выбился из сил и безвольно поник на бок. Ветеринар воспользовалась этим и посветила мне в глаза фонариком, бормоча себе под нос что-то вроде «Ой» и «Охо-хо». Это меня не удивило. Я знал, что нахожусь между жизнью и смертью, причем к последней гораздо ближе.

– Господин профессор, – откашлявшись, наконец произнесла доктор Вильмес, и ее голос звучал при этом очень серьезно, – боюсь, что Уинстона отравили. Или он сам съел что-то, что опасно для кошек. Придется сейчас промыть ему желудок. Надеюсь, его еще удастся спасти.

По щекам Кире теперь и правда текли слезы, и Вернер тоже судорожно хватал ртом воздух.

Я был слишком слаб, чтобы как-то отреагировать. Если милостивому кошачьему богу угодно прибрать меня, так тому и быть. Кто бы мог подумать, что меня ждет столь бесславный конец! А ведь еще пару дней назад все было в полном порядке и я мирно лежал на нашем чудесном диване в доме Юба на Хохаллее в Гамбурге, а вокруг меня бушевал ежегодный хагедорновский семейный праздник. Знай я, что это мой последний праздник и последние деньки, я бы постарался насладиться ими в полной мере. А теперь, к сожалению, слишком поздно. Прощай, о дивный мир! Прощай и ты, Гамбург, жемчужина моего сердца!

Концерт для двух блок-флейт и бездарного вокала

«Ти-ишь и поко-о-ой ночью свято-о-ой. И в тишине-е-е пред святою чето-о-ой...»

Люди – мастера закрывать глаза на правду, в этом им просто нет равных. Будучи домашним котом, я хорошо в них разбираюсь и мог бы немало об этом порассказать! Ведь на самом деле ночь вовсе не была тихой и никаким покоем в нашей гостиной даже не пахло. Печально! Я-то как раз предпочел бы тишину и покой! Но вместо них в доме царил оглушительный шум: две блок-флейты вели скорее не дуэт, а поединок, и все это венчалось невыносимо фальшивым пением. У меня просто усы стояли дыбом! И это с моим-то тонким слухом! Для породистого кота, каковым я и являюсь, это было уже слишком. Я спрыгнул с дивана и ретировался в дальний угол в надежде, что люди вскоре осознают весь ужас происходящего и положат шуму конец.

К сожалению, из всех присутствующих, кажется, лишь мне одному было очевидно, как нестерпимо плохо это звучало, потому что мой сосед по квартире, профессор Вернер Хагедорн, сидел вместе с гостями на диване и благосклонно внимал этой какофонии. Похоже, ему нравилось. Правда, дело могло быть в том, что он немного переборщил с так называемым глинтвейном – у людей этот напиток довольно быстро вызывает румянец на щеках и снижает критичность восприятия.

Его мать, госпожа Хагедорн, тоже выглядела счастливой. Когда блок-флейты наконец-то прекратили издавать истошные звуки и певица тоже умолкла, госпожа Хагедорн встала с дивана и захлопала в ладоши:

– Шарлотта, Константин! Какие же вы молодцы!

Девочка и мальчик, которые только что изо всех сил старались передудеть друг друга на флейте, повернулись к ней и поклонились, демонстрируя примерное поведение.

– Беата, ты поешь ну просто волшебно! – продолжила ворковать она. – Так звонко, милая, так звонко!

Ну, тут все ясно. Госпоже Хагедорн срочно нужен слуховой аппарат. Других объяснений ее восторга быть не может. По крайней мере, что касается Беаты. Шарлотта и Константин – особый случай. Она ведь доводится им бабушкой, а за много лет в роли домашнего питомца я усвоил: бабушек приводит в восторг абсолютно все, что делают их внуки. Константин – это сын Роланда и Беаты, то есть младшего брата Вернера и его вредной жены. А Шарлотта – дочь старшей сестры Вернера Симоны, которая, к счастью, не поет, но зато много молится, поскольку служит пастором. Может, ей следует как-нибудь помолиться, чтобы Беата никогда больше не пела, по крайней мере у нас в гостях. Вот же кошачий лоток!

В общем, у людей, живущих тут вместе со мной и Вернером – и, в виде исключения, не лишенных музыкального слуха, – были веские причины смыться. Экономка Вернера Анна на выходные уехала куда-то со своей матерью, а ее тринадцатилетняя дочь Кира, моя лучшая подруга-человек, нашла убежище в гостях у своей школьной подруги Паули. Весьма предусмотрительно!

– Спасибо за комплимент, дорогая свекровь! – улыбнулась Беата. – Кстати, я приготовила для вас еще одну песню. Так что, если хотите...

Я быстро огляделся вокруг. Уголки губ Вернера подрагивали. Видимо, он все же не в полной мере разделял восторг матери по поводу певческих талантов Беаты. Но фрау Хагедорн вновь захлопала в ладоши и воскликнула:

– Ах, как здорово! Я так рада! Пожалуйста, спой еще.

Святые сардины в масле! Еще одного такого испытания мои чувствительные уши не вынесут. Оставалось одно: спастись бегством! Причем немедленно!

Не прошло и трех секунд, как я уже выскользнул в подъезд через кошачью дверцу. Краем уха я услышал, как Беата затянула новую песню – снова очень громко и фальшиво. Никакого рождественского настроения эта песня не создавала даже близко. Правда, речь там шла о рыбе – мне показалось, я услышал что-то про форель в ручье¹. Это, конечно, вкусно, но все же я был рад вырваться из адского котла семейного праздника. Оказавшись снаружи, я решил отыскать Одетту.

Одетта – очень красивая белая кошка, которая целыми днями напролет гуляет на свежем воздухе во дворе нашего дома. Раньше, когда я еще был ленивым домашним котом и не показывал носа на улицу, я бы назвал ее бродячей. Но потом в нашу с Вернером квартиру въехали Кира с Анной. Поначалу я был далеко не в восторге от идеи делить любимый диван с каким-то подростком. Но постепенно мы с Кирой подружились, и с ней я открыл для себя мир за пределами четырех стен. С тех пор я знаю, что Одетта не бродячая кошка, а искательница приключений! И к тому же самая прекрасная из всех искательниц приключений в мире – при взгляде на нее мое сердце всякий раз так и норовит выскочить из груди. А еще она ужасно сообразительная, и, думаю, это и нравится мне в ней больше всего. Люблю умных женщин!

Летом Одетта часто сидит у мусорных баков вместе с двумя другими дворовыми котами, Спайком и Чупсом. Но сейчас, в зимние холода, они облюбовали другое местечко – стену рядом с вентиляционным люком подвальной прачечной. Там даже при минусовой температуре вполне сносно, потому что люк расположен в укромном уголке, куда не задувает ветер, а из прачечной все время поднимается приятный теплый воздух из сушилок для белья.

Так и есть, Одетта, Спайк и Чупс уже в зимней квартире. Дремлют, тесно прижавшись друг к другу. Похоже, что им очень уютно, несмотря на декабрьскую стужу!

Подкравшись к спящим, я поприветствовал их громким мяуканьем. Они тут же вздрогнули и проснулись.

– Эй, приятель! – лениво потягиваясь, сказал Спайк, очень толстый полосатый кот. Обычно он весьма добродушный, однако все же с ним стоит быть начеку. – Чем обязаны в этот холодный зимний день? Я думал, у вас там вечеринка.

– А ты откуда знаешь? – спросил я удивленно.

– Трудно было бы не заметить. Вернее, не услышать. Когда тут появляется эта кошмарная женщина с визгливым голосом и всей честной компанией, они всегда направляются к твоему

¹ «Die Forelle» («Форель») – одна из самых известных песен композитора Франца Шуберта. (Прим. переводчика.)

несчастному хозяину, – хихикнул он. – Хорошо все-таки, что моя соседка совсем не любит общаться. По крайней мере, с другими двуногими.

– Ну что тут скажешь – я и сам бы предпочел обойтись без Беаты, – кивнул я. – Но, к сожалению, в выходные перед Рождеством все дороги ведут к нам, и тут уж ничего не попишешь.

Спайк с любопытством посмотрел на меня:

– А что это, кстати, такое – Рождество?

– Ты не знаешь, что такое Рождество? – уставился я на него.

– Не-а, да и откуда мне знать?

– Да это же всем известно! Все люди празднуют Рождество, и любой кот или кошка, прожив с двуногими дольше одного лета, просто не может не знать, что это такое.

Спайк склонил голову набок:

– Я живу с человеком вот уже несколько лет, но лично с Рождеством никогда не сталкивался, потому что моя хозяйка Рамона не намерена принимать участие в этом безумии – так она всегда говорит.

И она права! Вероятно, она знакома с Беа той и опасается, что та может заглянуть в гости в праздничные дни.

– Ладно, Спайк, – откашлялся Чупс. – Давай я тебе все объясню. Я ведь тоже не сразу разобрался, в чем тут дело. Но теперь знаю: люди празднуют Рождество, чтобы в са мое темное время года зажечь в квартире и вообще повсюду как можно больше свечей. Поэтому они даже ставят в квартирах деревья и украшают их свечами – в каком-то смысле, те служат им канделябрами.

Хм? Это еще что за ерунда! Чупс понятия не имеет, о чем говорит! Хотя это неудивительно. Сомневаюсь, что этот покрытый колтунами кот палевого окраса когда-то жил с людьми, наверняка он все свое время проводит в обществе других котов. Так откуда же ему знать, что такое Рождество?

– К сожалению, мне придется тебя поправить, Чупс, – сказал я (хотя, конечно, никаких сожалений вовсе не испытывал – напротив, даже обрадовался возможности щелкнуть его по носу), – но то, что ты рассказываешь про Рождество, – полная чушь. Сам посуди: когда Рождество проходит, в Гамбурге все еще довольно темно, но никаких деревьев со свечами в квартирах уже нет. Рождественские елки выбрасывают на улицу, и они валяются там, пока их не заберет мусоровоз.

Спайк и Одетта украдкой захихикали, уткнувшись носами в шерсть.

Чупс бросил на меня сердитый взгляд:

– Ну конечно! Ты ведь у нас мистер Умник! Раз уж ты все на свете знаешь, дражайший Уинстон, давай тогда сам и расскажи, что такое Рождество.

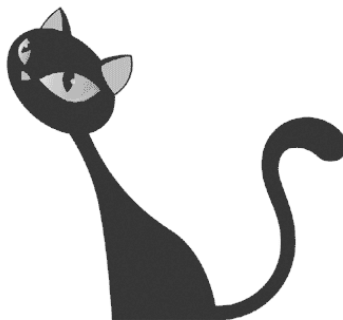
Я откашлялся и приосанился. Вернер всегда так делает, репетируя дома новый доклад для университета, и выглядит при этом очень важным.

– Суть Рождества заключается прежде всего в еде. Поскольку на дворе зима, в полях и на деревьях уже ничего не растет, люди боятся, что наступит страшный голод. Поэтому они и изобрели Рождество. В это время они при любом удобном случае едят сколько влезет и наедают запасы на черный день. Таким образом, Рождество для людей – тренинг на выживание, напоминание о том, как важно хорошенько наесться.

Спайк, Чупс и Одетта уставились на меня. Вдруг Одетта начала хрипеть, сипеть и в конце концов упала на бок. Хм. Приступ слабости, вызванный невероятной элегантностью моего объяснения? Вроде бы женщины нередко падают в обморок от восторга. Например, когда встречают рок-звезду. Или знаменитого актера. Или когда им кто-то блестяще объясняет, в чем, собственно говоря, заключается суть празднования Рождества. Выходит, Одетта действительно потеряла сознание от восхищения – ну я, Уинстон Черчилль, и чертяка!

О спасителях мира, соусе из тунца и плохих людях

Одетта понемногу приходила в себя после обморока от восхищения. Она все еще лежала между Спайком и Чупсом, но уже не хрипела, а лишь жадно хватала ртом воздух – хорошенько прислушавшись, я разобрал что-то похожее на смех. Очень странно!

– Уинстон, – с трудом проговорила Одетта, – ну почему ты постоянно думаешь о еде?!

– Секундочку, я-то тут при чем? Я всего лишь объяснил, зачем люди празднуют Рождество.

Одетта окончательно овладела собой и подняла голову:

– То есть ты действительно считаешь, что это тренинг на выживание?

– Конечно, – кивнул я, – именно в этом заключается суть Рождества – есть как можно больше!

Одетта вздохнула.

– Уинстон, давно ли ты живешь с людьми? – обратилась она ко мне тоном, который я терпеть не могу. «Ну-давай-же-спроси-меня-я-ведь-все-равно-знаю-лучше» – вот какой это был тон.

Постепенно до меня стало доходить, что Одетта не лишилась чувств от восторга, а упала со смеху. Черт, черт, ЧЕРТ!

– Если ты таким образом пытаешься намекнуть, что я недостаточно хорошо разбираюсь в людях и их обычаях, то это не так. Я живу с Вернером всю свою жизнь. Ну, почти всю. Он забрал меня у заводчика совсем маленьким. А это было пару-другую годков назад, так что уж поверь мне – я знаю, о чем говорю.

«В отличие от вас, троих бродяжек», – добавил я про себя. Не хватало еще, чтобы три кошки, которые день-деньской торчат на продуваемом всеми ветрами безлюдном заднем дворе, объясняли мне, какие привычки у двуногих и как отмечают праздники! Мне, благородному Уинстону Черчиллю, непревзойденному знатоку людей, в некотором смысле рожденному на согретом солнечными лучами диване в гостиной! И живущему у настоящего профессора физики! Пф!

– Итак, постараюсь покороче, – продолжала Одетта своим дурацким тоном всезнайки. – В Рождество люди отмечают рождение Спасителя.

Чего?! Вечеринка по случаю дня рождения?! Нет-нет-нет, это ерунда какая-то! На днях рождения всегда бывает торт с марципаном, взбитыми сливками и свечками. И поют «Хэпи бёздей», а не «Тишь и покой ночью святой». И вообще – кто такой этот Спаситель?

– Одетта, если бы в Рождество праздновали день рождения, я бы точно это заметил, – твердо возразил я. – Потому что я в этом разбираюсь. В конце концов, профессор Хагедорн отмечает свой день рождения ежегодно, и это совсем не то же самое, что Рождество. Кроме того, я не знаком ни с одним Спасителем. И Вернер наверняка тоже. По крайней мере, у нас в

гостях еще ни разу не было человека с таким именем. С чего бы нам тогда отмечать его день рождения?

– погоди, – вмешался Чупс, – мне кажется, я что-то слышал об этом типе. Это кто-то вроде супергероя, правильно?

– Ну примерно, – кивнула Одетта, – Спаситель призван спасти мир. Люди верят в то, что он сын Бога. Поэтому день его рождения называли Рождеством и отмечают с тех пор как праздник.

– А, так вот ты о ком! – осенило Спайка. – Это же тот самый парень, которого еще называют Иисусом Христом. Так значит, в Рождество у него день рождения?

– Верно, – подтвердила Одетта. – Именно это лежит в основе праздника. Не огоньки, не еда, а рождение Иисуса Христа, которое и отмечают все люди.

К сожалению, вынужден признать, что я и сам начал припоминать что-то на эту тему. Иисус. Да-да, я уже о нем слышал. Сестра Вернера Симона, пастор, время от времени что-нибудь про него рассказывает. Он вроде как весьма славный малый и, кажется, чуть ли не ее начальник. Как бы то ни было, она относится к нему с большим уважением.

– А вот и не все, – возразил Спайк Одетте. – Рамона уж точно нет. Да и во всю эту историю с Иисусом она не верит. Честно говоря, все это ее даже бесит. Недавно нам в дверь позвонили двое – хотели поговорить с ней об этом типе. И о книге под названием «Библия», в которой вроде как написано о Боге, Иисусе и всем таком. Ну она им и высказала! Что это все чушь и что ей нет ровным счетом никакого дела до того, кому там люди молятся – Богу, Аллаху или Будде. Потому что всех их все равно не существует. И чтобы эти двое даже не вздумали еще когда-нибудь позвонить в ее дверь. Вот как это было.

– Ладно-ладно, Спайк, не все люди верят в Иисуса, – примирительно согласилась Одетта. – Но кто верит, те в Рождество празднуют его появление на свет. Они очень этому радуются, поэтому поют песни и дарят друг другу подарки. И угроза голода здесь совершенно ни при чем. Прости, Уинстон, квартирный старожил. Видимо, кое-чего о людях ты все-таки не знаешь, – взглянув на меня, добавила она.

Спайк и Чупс покатывались со смеху, а я чувствовал себя последним болваном. Кажется, я говорил, что люблю умных женщин? Так вот поправлюсь: умные женщины хуже чумы.

К тому времени как я вернулся домой, Беата с честной компанией, к счастью, уже успели уехать, Симона со своей семьей и мамой Вернера тоже недавно откланялись, и в нашей прекрасной квартире наконец-то воцарился покой.

Пребывая в отвратительном расположении духа, я пробирался в свою комнату, полный решимости не покидать диван до конца дня. Или, может быть, до конца года? Или вообще никогда? Будут ли мне приносить еду прямо в комнату, если я перестану вставать с дивана? Впрочем, если и не будут, что с того – еда значит для меня не так уж много. Да вообще почти ничего не значит. В принципе, я мог бы целыми днями обходиться без нее. Даже не понимаю, с чего это Одетта взяла, что я только о еде и думаю. Какая подлая несправедливость!

На самом-то деле чаще всего я занят исследованием каких-нибудь таинственных преступлений – на пару с моей подругой Кирой. Например, однажды мы помешали банде похитителей сейфов. И еще задержали одного вымогателя. А как-то раз мы с Кирой... Ой! Что это там гремит? Из полукрытой кухонной двери, мимо которой лежал мой путь к дивану, донесся какой-то звук, подозрительно напоминавший звон тарелок. Видимо, со стола убрали посуду.

Хм, а не осталось ли там, случайно, этой вкусной штуки, которую я видел на рождественском столе, – вителло-что-то-там? Вот бы попробовать – потому что пахнет она просто пре-

восходно! Я отметил это еще тогда, когда Вернер принес ее в пакете с деликатесами из одного итальянского ресторанчика. К сожалению, эта штука все время стояла упакованной в контейнер, а потом Вернер переложил ее на блюдо и сразу же подал к столу. Там я, конечно, не мог ею полакомиться – ведь за столом в полном составе сидела семья Вернера. Но вдруг сейчас мне повезет больше?

Я завернул на кухню. Если взглянуть на Вернера поумильнее, он наверняка меня угостит. Он всегда очень великодушен – и к тому же, в отличие от бабушки или Анны, вовсе не считает своего кота слишком толстым.

Но ноги, стоявшие у раковины, принадлежали вовсе не Вернеру. Кира! Мурррр-мяу, ура! Моя подруга наконец-то вернулась! Прыг – и я очутился на кухонном столе прямо рядом с ней.

– Опля, Уинстон! – обрадовалась Кира. – Где это ты пропадал? Племянники и племянницы Вернера так хотели с тобой поиграть! Когда я вернулась, тут стоял рев на весь дом из-за того, что они не нашли тебя.

Вот уж ни секунды не сомневаюсь! Эти мелкие мучители котов, особенно противные дочери дурацкой Беаты, наверняка расстроились, что их любимая жертва – то есть я – так быстро ускользнула. Я потерялся о руку Киры и замурлыкал.

– Так, приятель, что тебе нужно? – рассмеялась она и погладила меня по голове. – Впрочем, можешь не говорить. Кажется, у меня снова почти получилось прочитать твои мысли. – Кира взяла тарелку, которую уже поставила рядом с раковиной, и протянула мне. – Ты это искал?

Я принял. Фантастика! Кира действительно угадала – это та самая штука-вителло! Шагнув вперед, я принялся вылизывать тарелку. Восхитительно!

На вкус это что-то среднее между рыбой и нежным мясом – другими словами, как будто специально для меня готовили!

Кира рассмеялась:

– А тебе, я вижу, нравится – правда, мой хороший? Неудивительно! Ведь вителло тоннато – телятина с соусом из тунца. Ну и повезло же тебе, что от гостей что-то осталось.

Довольно урча, я до блеска вылизал тарелку. Не завалилось ли тут для меня второй порции? Я с надеждой заглянул в кухонную раковину. К сожалению, там было пусто! Перестав урчать, я замяукал. Очень жалобно. Хочу еще!

– Прости, Уинстон! Больше ничего нет! – с сожалением пожала плечами Кира.

Я спрыгнул на пол и забегал по кухне. Наверняка где-то тут найдется еще что-нибудь вкусное с праздничного стола! Уткнувшись носом в пол, я принялся обнюхивать каждый уголок и каждую щелку в поисках остатков еды.

Это зрелище явно забавляло Киру:

– Уинстон, ты сейчас прямо как собака! Тебе не кажется, что ты самую чуточку обжора?

Я тут же прекратил все обнюхивать и сел на пол. Сначала Одетта, теперь Кира! Да что же такое сегодня с моими подругами?!

Кира опустила на колени и почесала меня за ухом. Кажется, в отличие от Одетты, она понимала, что только что сильно ранила мои чувства.

– Милый, я вовсе не хотела тебя обидеть. Но в последнее время я и правда стала задумываться о твоих пищевых привычках. Прежде всего из-за этой ужасной истории, которую только что услышала и непременно должна тебе рассказать!

Ужасная история, связанная с едой?!

Это может значить только одно: грядет голод! Я так и знал! Значит, я был прав – Рождество нужно, чтобы как следует поднакопить жирка!

Кира взяла меня на руки и очень серьезно посмотрела мне в глаза:

– Уинстон, я узнала, что в нашем районе какой-то кошконенавистник раскладывает ядовитую приманку. На вид это аппетитные кусочки колбасы или сардины в масле. Но съевшие их

кошки и собаки едва не умерли. В приманке был крысиный яд! Представляешь? Мне об этом рассказала фрау Бённигштедт из школьного буфета – ее бедного кота Мосье еле-еле спас ветеринар. Пожалуйста, будь осторожен и предупреди друзей! Не ешьте то, что найдете на улице, и ничего не берите у незнакомцев, даже очень вкусное! Это смертельно опасно!

Смертельно опасно?! Отравленная приманка?! Здесь, у нас в округе?! Милосердный кошачий бог – это же просто кошмар! Ужасные новости для всех кошек на Хохаллее, хуже не придумаешь. Мне и самому доводилось находить на улице лакомые кусочки. Страшно даже подумать, чем это могло закончиться! Но вот кого я точно должен предупредить, так это Спайка! И как можно скорее!

– В общем, милый, не ешь ничего из чужих рук, понятно? – повторила Кира. Она казалась по-настоящему обеспокоенной. – Давай-ка лучше я приготовлю тебе еще немножко гусиной печенки, хорошо?

Ну ладно, пожалуй, предупредить Спайка я успею и завтра. Сегодня он наверняка уже где-нибудь дрыхнет. Но завтра с утра первым же делом побегу во двор и поделюсь этой ужасной новостью!

Хотя после превосходной трапезы из гусиной печенки остаток вечера я провел, лениво растянувшись на диване, где меня по очереди гладили то Кира, то Вернер, спалось мне этой ночью из рук вон плохо. Во сне я видел горы отравленных сардин в масле. На фоне этих леденящих сердце картин гремел невыносимый концерт для блок-флейты. Я беспокойно ворочался в своей корзинке, представляя себе, что тоже съел приманку и теперь мучаюсь от страшной боли в животе. Невероятно, но боль была пугающе правдоподобной. В какой-то момент мой желудок даже стало сводить судорогой – казалось, что в живот вонзаются тысячи маленьких иголок, и это ощущение все усиливалось. Измученный, я открыл глаза и попытался вырваться из кошмара. Но боль не утихала. Встрепенувшись, я прислушался к своим ощущениям и понял: это никакой не сон. У меня на самом деле ужасно болит живот!

Об одеялах и грелках. А также о детях, растущих в саду

Кира не любит спать в полной темноте, поэтому всегда оставляет дверь в свою комнату приоткрытой. Я пробрался внутрь и кое-как доковылял до ее кровати – запрыгнуть на нее у меня не хватило бы сил. В животе тем временем все бурлило, как в забытой на плите кастрюле с супом.

Я жалобно мяукнул в надежде разбудить Киру. Если кто-то и догадается, что я пал жертвой коварного отравителя, то только она. Ведь моя подруга в курсе, что в округе орудует злодей и жизнь хвостатых под угрозой. Но Кира спала так крепко, что оставалась глуха к страданиям своего приятеля Уинстона. Я замаяукал громче – снова никакой реакции. Увы и ах! Что же делать? Кира срочно должна помассировать мой несчастный живот!

Может, все же попытаться запрыгнуть на кровать? Я приподнялся на задних лапах и посмотрел вверх. Хм. В нормальных обстоятельствах это не было бы проблемой, но в моем нынешнем плачевном состоянии... Исключено!

И тут мне в голову пришла другая идея, связанная с одной особенностью двуногих. А именно – с тем, что у них нет шерсти. И одно из множества связанных с этим неудобств заключается вот в чем: без одеяла они быстро замерзают и часто просыпаются. Я это знаю точно, потому что Вернер терпеть не может, когда я – редко, крайне редко – решаю вздремнуть вместе с ним. Если я в такие моменты, пытаюсь поудобнее устроиться у него в ногах, случайно сдвигаю плед, он сразу же просыпается и начинает ругаться, потому что у него мерзнут ноги. Такие вот люди неженки. Вообще говоря, они во многом устроены так, что в дикой природе и двух дней бы не протянули. Впрочем, я отвлекся.

Сейчас главное – сосредоточиться на претворении в жизнь моей идеи. Вытянув лапу с выпущенными когтями, я зацепил краешек свисавшего с кровати одеяла и осторожно потянул его вниз. Одеяло поползло сначала медленно, затем заскользило все быстрее, пока наконец полностью не оказалось на полу. Получилось! Теперь нужно немного подождать.

Долго терпеть мне, впрочем, не пришлось, потому что не успел я досчитать до десяти (а поверьте, я мог бы!), я услышал вздох Киры. Она беспокойно заворочалась в постели, потом села и включила ночник. Коротко оглядевшись, она заметила меня:

– Уинстон, ты что, стащил мое одеяло? Это еще что такое?! Декабрь на дворе, я замерзла!

Сама виновата! Почему не носишь шерстку? – хотелось ответить мне. Но поскольку я не умею говорить, да и боль в животе беспокоила меня куда больше, чем отсутствующий у Киры мех, я ограничился жалобным мяуканьем.

Кира тут же вскочила с постели и опустилась рядом со мной на колени:

– Ой, бедненький! Что это с тобой? Ты так грустно мяукаешь!

Мое мяуканье перешло в стон, я завалился на бок и стал от боли перекатываться из стороны в сторону. Кира осторожно погладила меня одной рукой по спинке, а другой – по животу.

Ай-ай! Я вздрогнул и перестал кататься по полу. Кира очень осторожно взяла меня на руки и положила к себе на кровать:

– Что-то ты мне не нравишься, Уинстон! Живот у тебя совсем твердый! Что же с тобой такое?

Ах, если бы я знал! Могу лишь надеяться, что это не дело рук коварного кошконенавистника и моя жизнь не подошла к закату. Хотя в последнее время я, кажется, не ел ничего на улице – по крайней мере, не припоминаю такого, – но совсем исключать эту возможность нельзя. Когда дело касается вкусной еды, я, к сожалению, нередко теряю силу воли! Запросто мог и подобрать между делом какой-нибудь лакомый кусочек.

Я приподнял мордочку и попытался заглянуть Кире прямо в глаза в надежде, что она поймет, как скверно я себя чувствую. Чаще всего телепатия такого рода у нас с Кирой работает просто отлично. Наверное, это потому, что однажды мы нечаянно поменялись телами и обнаружили, что умеем читать мысли друг друга. Звучит странно, но так оно и было. С тех пор мы с Кирой так сблизились, что всегда можем угадать, о чем думает другой.

– Уж не отравили ли тебя? Неужели это дело рук кошконенавистника?!

Ну, что я говорил? Работает просто на ура! Кира нежно погладила меня по голове. Наверняка она сейчас быстренько придумает, как мне помочь.

– Слушай, ну если дела так плохи, нужно как можно скорее ехать к доктору Вильмес. Хотя, учитывая время суток, скорее даже в круглосуточную ветеринарную клинику. Может быть, тебе там промоют желудок или сделают что-то еще. Мама до сих пор гостит у тети Ольги в Кельне, поэтому я разбужу Вернера. Только подожди минутку, мне нужно одеться.

Так, стоп! ЧТО?! *Ветеринарная клиника?! Промывание желудка?!* Я-то думал, что лечением будет, например, массаж живота и сон в обнимку с Кирой под одеялом до тех пор, пока мне не станет лучше! От ужаса я даже перестал стонать и прижался к Кире.

– Вот как? То есть все не так уж плохо? На карете «скорой помощи» в больницу не поедem? – Даже в неверном свете ночника я заметил на лице Киры насмешливую улыбку. Превозмогая боль, я через силу заставил себя замурлыкать, чтобы она догадалась, что все поняла правильно. – Что ж, раз уж спасательная операция отменяется, давай я хотя бы наполню тебе грелку и ты поспишь сегодня рядом со мной. А если к утру не поправишься, тогда поедem к ветеринару – с этим, наверное, можно еще немного повременить. Как думаешь?

Мур, мур, МУР! Именно так, милая моя! А теперь неси скорее грелку!

– Беата, прошу тебя, успокойся. Никто не собирался тебя отравить, ну что за ерунда!

Святые сардины в масле! Это что за суматоха с утра пораньше? Вообще-то я остро нуждаюсь в покое: несмотря на грелку и почесывание живота, ночью я почти не сомкнул глаз. Даже Кира, собираясь утром в школу, ходила на цыпочках и потом неслышно выскользнула из комнаты, чтобы не потревожить мой сон. Так почему же теперь тут такой шум?!

Я покосился на ночной столик с будильником. После нашего с Кирой обмена телами я, пожалуй, единственный кот в мире, который разбирается в показаниях часов и всяких таких человеческих штуках. 11:30. Ну ладно. Половина двенадцатого – это не такая несусветная рань, как я решил поначалу. Но все же! С трудом приподнявшись, я с облегчением обнаружил, что живот уже не болит. За дверью все еще продолжали шуметь.

– В самом деле, Беата, Анна не уборщица! Она моя экономка. Ну конечно же, разница есть.

Я спрыгнул с кровати и с любопытством сунул нос в приоткрытую дверь Кириной комнаты. Вернер расхаживал по коридору с беспроводным телефоном и, похоже, разговаривал с кошмарной Беатой. То есть сейчас говорила Беата, потому что на лице Вернера застыло напряженное выражение, а трубку он слегка отодвинул от уха – голос на том конце провода был очень-очень громкий. Настолько громкий, что даже я мог разобрать отдельные фразы:

– Называй эту женщину как хочешь, Вернер, но я говорю тебе, что она едва не сжила со свету нашу семью. Сегодня ночью у нас так разболелись животы, что мы едва не попали в больницу. И если тебе интересно, я уверена, что это была попытка отравления!

Что?! В этот момент я окончательно проснулся. Беатиной семье ночью тоже было плохо?! Мне захотелось вырвать из рук Вернера телефонную трубку и сообщить Беате о том, что у меня та же проблема. Но это, конечно, чушь, ведь я совсем не умею говорить, в том числе и по телефону.

Вернер набрал в грудь воздуха. Он явно из последних сил пытался сохранять спокойствие:

– Однако мне это неинтересно, Беата. И, повторюсь, это полная ерунда! С чего бы Анна захотела вас отравить?

– Потому что она меня невзлюбила. А невзлюбила она меня потому, что я вижу ее насквозь!

Тут Вернер не смог удержаться от смеха:

– Что-что? Видишь насквозь? Ну что за глупости, Беата!

– Хорошо, что ты еще способен смеяться над этим, Вернер. Но говорю тебе: эта женщина норовит тебя окрутить, да еще и девчонку свою с матерью тебе в гнездо подкинуть, а ты ничего не замечаешь!

В какое еще гнездо?! Я был сбит с толку. В гнездах, насколько мне известно, живут только птицы. Я ведь кот, а значит, эксперт в этом вопросе. Самому-то мне, впрочем, еще ни разу не доводилось вытаскивать из гнезда пернатого приятеля, чтобы его... э-э-э... фу! Но я знаю, что другие кошки так делают. Даже толстый Спайк однажды, повиснув на водосточном желобе, добрался до гнезда и разорил его. Обед с перьями – бе! Даже думать об этом не хочу! В конце концов, у меня есть миска, куда можно положить всякие вкусности – от печеночного паштета до сардин в масле.

Ну и, разумеется, Анна, Кира и бабушка живут у нас ни в каких не в гнездах, а в своих комнатах. Да обычный человек и в гнездо-то не поместится! В общем, Беата несла абсолютную чушь!

Похоже, Вернер был со мной полностью согласен, потому что в ответ он чуть не задохнулся от возмущения и даже, против своего обыкновения, заметно повысил голос:

– Беата, я запрещаю тебе так говорить об Анне! К тому же вся эта возмутительная чушь, которую я от тебя выслушал, не имеет отношения к делу. Анна с прошлого четверга в отъезде. Даже если с едой и правда было что-то не так, она тут ни при чем.

Беата заговорила в ответ значительно тише, и в этот раз мне уже не удалось ничего разобрать.

– Нет, разумеется, я готовил не сам. Как тебе известно, я профессор физики, а не повар. Блюда для праздничного стола я заказал у Сандро. Он держит поблизости превосходный ресторанчик и продает еду на вынос. Я знаю его много лет, и еда от Сандро всегда высший класс. В общем, от чего бы у вас там ни возникли проблемы с животом, я к этому не имею никакого отношения. А теперь извини, у меня дела.

Клайв. Он дал отбой. Потом, заметив, что я торчу в дверном проеме, подошел и почесал меня за ушами:

– Доброе утро, Уинстон! Это была невыносимая Беата! Но я дал ей отпор. Пищевое отравление – ну что за нелепость! Наверняка ее девчонки подхватили ротавирус в детском саду. Пытаться повесить это на Анну – просто курам на смех!

Я громко мяукнул в ответ – конечно, Вернер совершенно прав. Неслыханная наглость! Что такое ротавирус и как его можно подхватить, я не совсем понял, но, учитывая все гнусности, которые мне доводилось терпеть от этих детей раньше, я этому чего-то-там-вирусу даже не удивился. Выходит, ненавистник кошек, отравитель сардин тут ни при чем. В моих страданиях виновата банда блок-флейтистов. И детский сад.

В этой связи я подумал: что же это, собственно говоря, такое – детский сад? Место, где люди берут детей? Значит, они не рождаются, а растут на грядках? Или в теплицах? Очень интересный вопрос! Признаюсь, я еще никогда не задумывался о том, как люди решают вопрос с потомством. Может быть, и Вернер может завести ребенка, если обратится в ближайшее садоводство?

Я тут же попытался представить, как Вернер приносит в дом младенца. Насколько мне известно, они часто орут и время от времени отвратительно пахнут. Не уверен, что Вернер знает, как поступать в таких случаях. Но, к счастью, у нас в доме сразу две опытные матери – Анна и бабушка, и они ему, конечно, помогли бы. Впрочем, наверное, в детском саду можно взять ребенка и постарше. Такого, который уже умеет чуть больше, чем просто орать и вонять. В идеале, может быть, даже хорошо играть на блок-флейте. Или вообще такого, который уже вышел из возраста, когда положено на чем-либо играть. Такого, как моя самая любимая Кира! С другой стороны, второго такого замечательного ребенка на свете точно нет, а значит, другие дети нам ни к чему.

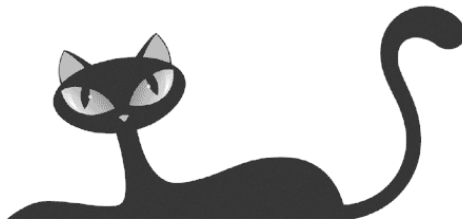
Вернер тоже ничего не добавил по этому поводу, а лишь, радостно насвистывая, положил телефонную трубку на базу в коридоре. Потом подошел к гардеробу и надел пиджак. Наверное, собирался в университет читать одну из своих лекций.

– Что ж, Уинстон, долг зовет! Желаю тебе хорошо провести день. Анна скоро вернется из Кельна и наверняка привезет тебе что-нибудь вкусненькое – уж я ее знаю. До скорого!

Хм, «вкусненькое» – звучит отлично! А вот слово *«долг»* напоминает о том, что мне и самому нужно срочно кое о чем позаботиться. Я ведь до сих пор не предупредил Спайка о кошконенавистнике! Приятель, я спешу к тебе на помощь!

О мисках и пухологах. И о друзьях-итальянцах

– Отравленная еда?! – Спайк пришел в ужас, Чупс с Одеттой тоже широко раскрыли глаза от изумления.

– Да. Этот тип специально раскладывает приманку, потому что ненавидит кошек! – объяснил я.

– Неужели люди на такое способны?! – не мог поверить Чупс.

Одетта нервно виляла хвостом.

– Но это же ужасно! То есть я понимаю, что не все люди нас любят, – но вот чтобы прямо так?! Пытаться нас извести?!

– Да, трудно представить, – согласился я. – Но тем опаснее теперь подбирать еду на улице.

– Я и так никогда ничего не подбираю. Ем только то, что добыла охотой. Это ведь куда вкуснее, правда, мальчики?

Спайк и Чупс смущенно молчали. Наконец Толстяк неловко откашлялся:

– Ну, э-э-э... конечно! Поохотиться время от времени бывает неплохо, но... Мда... это ведь столько возни. Да по мне, и мыши эти какие-то чересчур уж шустрые. А когда прямо перед носом оказывается лакомый кусочек... В общем, хорошо, что Уинстон нас предупредил.

Тут я непременно бы усмехнулся, если бы умел. Слишком уж утомительная картина рисуется в воображении, когда представляешь себе, как толстый Спайк, тяжело сопя, пытается догнать проворную мышку. При этом в целом я был склонен с ним согласиться – охота и мне не по душе. Но инстинкт подсказывал, что на Одетту это произведет плохое впечатление, и я решил промолчать.

Чупса, похоже, такие соображения не сдерживали, и он выложил все как есть:

– Нет, Одетта, я тоже не большой поклонник охоты. И не думаю, что добыча непременно лучше на вкус. Чаще всего меня полностью устраивает то, что кладут мне в миску мои люди.

Интересно! Значит, Чупс все-таки живет с людьми! Конечно, еще вопрос, что это за люди такие, допускающие, чтобы их кот разгуливал по округе весь в колтунах. Если бы я выглядел так же, как Чупс, Анна уже давным-давно устроила бы мне целый комплекс процедур по уходу за мехом.

– *Фрррр!* – презрительно фыркнула Одетта. – *Миска!* Что вы несете! Впрочем, ешьте что хотите, мальчики. Смотрите только не попадитесь кошачьему киллеру! – И она отправилась прочь со двора.

– Ну и ну, – удивился Чупс. – Что это с ней?

Я тоже удивленно проводил ее взглядом. Такие выходки совсем не в духе Одетты.

Спайк покачал головой:

– Что бы вы ни говорили, а с Одеттой что-то не так.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился я.

– Ну, вы вот хоть раз слышали, чтобы Одетта рассказывала о своем доме? *Хоть что-нибудь?* О двуногом, с которым она живет? Конечно, становиться человеколюбом вроде тебя,

Уинстон, совершенно не обязательно, но все же дом нужен всем, без него даже кошачья жизнь какая-то тоскливая.

Человеколюбом? О чем это он? Послушать его – так я какой-то слабак, который всегда пляшет под дудку Вернера. А это полная ерунда, потому что на самом деле всем в доме тайно заправляю я! Впрочем, ладно. Может быть, и не я, а бабушка.

Но насчет всего остального Спайк не так уж не прав: во-первых, жизнь без людей действительно была бы довольно неудобной, а во-вторых, Одетта и в самом деле никогда не рассказывала о доме.

– Да, о людях Одетты мы ничего не знаем, – подтвердил я. – Но почему ты задумался об этом именно сейчас?

Спайк наклонил голову:

– Ну, это же очевидно. Мы с Чупсом заговорили о том, что наши открыватели консервов довольно-таки неплохо нас кормят, и вдруг Одетта убежала прочь. Разве это не странно? Как будто она не хочет говорить на эту тему.

– Заметно, что ты живешь с пухологом, Спайк, – вздохнул Чупс. – Или, в случае с Рамонной, с пухологиней.

Пухо-чего? Я озадаченно переводил взгляд со Спайка на Чупса и обратно. Раздались странные звуки, напоминающие блеяние: кажется, Спайк так смеялся.

– Верно, Чупс. Мою Рамону вокруг пальца не обведешь!

Ага. Выходит, пухолог – это Рамона. Но что, ради всего святого, это значит? Наверное, здесь есть связь со словом «*пуховый*»? Или это примерно то же самое, что *пушистый*? Значит, пухологиня – это такая мягкая и пушистая женщина? Признаться, я немного удивлен: судя по рассказам Спайка о Рамоне, никакой пушистости там нет и в помине. Зато ершистости хоть отбавляй. Взять, к примеру, хотя бы тех бедняг, что с утра пытались поговорить с Рамонной о Библии – ведь она весьма грубо их отбрила. Что ж, возможно, люди в этом контексте понимают под словом «пушистый» что-то совершенно иное...

– Уинстон? – резко вырвал меня из раздумий Спайк.

– Э-э... да?

– У тебя такой рассеянный вид. Мы тебе наскучили?

– Вовсе нет. Просто я задумался о том, что Рамона, по-моему, недостаточно мягкая для пухологини. Ну, судя по тому, что я о ней знаю.

Глаза Спайка стали круглыми от удивления:

– Мягкая? Рамона? При чем тут это вообще?

– Ну, я имею в виду, пухолог – это же, наверное, кто-то мягкий и пушистый, правильно?

Спайк шумно втянул ноздрями воздух, завалился на землю и стал покатываться из стороны в сторону. Я никак не мог отделаться от ощущения, что потешается он надо мной.

– Коллега, я иногда просто удивляюсь: с какой стати ты постоянно выдаешь себя за эксперта по вопросам, связанным с двуногими? – фыркнул он наконец. – Ты же совершенно не шаришь!

Чупс, похоже, тоже очень развеселился:

– Уинстон, пухолог – это человек, который очень хорошо разбирается в других людях. По их словам и действиям он довольно точно определяет, что они на самом деле думают. Или что чувствуют в этот момент.

Святые сардины в масле! Надо же, как интересно!

– А почему он так называется? – поинтересовался я.

– Э-э-э, не знаю, – протянул Чупс. – Но все остальное правда: пухолог – это человек, который, в некотором смысле, может читать мысли.

– С ума сойти! – восхищенно воскликнул я. – И Рамона тоже так умеет?

Чупс со Спайком торжественно кивнули.

– Именно так. Собственно говоря, она это даже специально изучала. *Психологию*, – пояснил Спайк с важной миной. – *В университете*. И поэтому у нее в кабинете висит такая большая бумажка. На ней написано, что Рамона умеет заглядывать людям в голову. Это ее *диплом*.

Ну ладно. Этим-то Уинстона Черчилля не удивишь. Будучи профессорским котом, я знаю, что звание профессора куда весомее, чем диплом, и наверняка у Вернера где-нибудь завалилась бумажка *побольше* Рамониной. Но вот история с заглядыванием в голову – это, конечно, неплохо. Хотел бы и я так уметь. Какие же славные были времена, когда мы с Кирой могли читать мысли друг друга! И, оказывается, люди могут такому научиться – класс!

Еще я, признаться, испытывал легкую зависть, потому что часть Рамониных способностей, очевидно, передалась и толстому Спайку. Ведь, что ни говори, он сразу понял, что Одетте неприятен наш разговор о мисках и людях, которые их наполняют. Если хорошенько подумать, я слишком мало знаю об Одетте. И это очень плохо – ведь она для меня самая лучшая кошка в мире, другим до нее далеко. Я пообещал себе в будущем присмотреться к Одетте повнимательнее. То есть *еще* более внимательно. Если это вообще возможно. Может, тогда получится узнать, что за проблема у нее с мисками. Или с людьми.

Прежде чем вернуться домой, я решил поискать Одетту. Вряд ли она успела убежать далеко. Почему-то мне казалось, что ей сейчас грустно. И хотя я не психолог, сердце мне подсказывало, что так и есть.

В арке, ведущей на улицу, я на секундочку остановился и присел, чтобы оглядеться. Снег на дорожке чуть подтаял, когда я проделал в нем своей теплой пятой точкой небольшую лунку. Брр, как же мерзнет попа! Лето мне однозначно куда больше по душе, чем зима, а снег – это уж вообще ни в какие ворота не лезет. Совершенно не понимаю, с какой стати Кира и ее друзья, Том и Паули, так радуются, когда с неба падают первые снежинки. Наверное, люди просто не представляют себе, как мерзнут на снегу мои нежные бархатные лапки!

К сожалению, Одетты нигде не было видно – ни с правой, ни с левой стороны улицы. А значит, мне, бедолаге, придется пробираться по снегу. Но на что только не пойдет кот, когда его дама сердца в печали! Бесстрашно глядя в лицо смертельной опасности, я ступил на снег одной лапой. Мьяаааау, это ужасно! Но ничего не поделаешь – придется потерпеть.

Через несколько метров мои лапы так онемели от холода, что я их уже совсем не чувствовал. На негнувшихся конечностях я доковылял до переулка, за которым начинался следующий жилой квартал. Я знаю, что Одетта порой любит побродить по здешним задворкам, ведь постоянно торчать в нашем внутреннем дворике ей попросту скучно. Может быть, мне повезет?

Но нет, там не было и следа Одетты. Зато я наткнулся на кое-кого другого. Это был не кто иной, как Вернер! Он стоял, прислонившись к стене дома, и беседовал с человеком, лицо которого мне показалось знакомым. Я на секунду задумался. Точно! Этот мужчина поставлял блюда для нашего праздничного стола в выходные. Выходит, это тот самый Сандро! Любопытно! Я не раз слышал его имя, потому что, когда нам по каким-либо причинам не готовят Анна или бабушка, Вернер обычно покупает еду в его ресторанчике, а порой и перекусывает прямо там.

Сандро молчал, а Вернер, бурно жестикулируя, о чем-то ему рассказывал. Я пересек улицу и побежал в их сторону. Добравшись до места, я обнаружил, что они действительно стояли у входа в ресторан. Во всяком случае, когда дверь открылась и оттуда вышла клиентка, запахло просто восхитительно. Мяу, как вкусно! Я бы туда, пожалуй, заглянул!

– Ого, Уинстон, мой добрый приятель! – Заметив меня, Вернер на секунду перестал размахивать руками. – Что это ты тут делаешь? – спросил он, склонившись надо мной.

Я громко мяукнул и положил лапу ему на колено. На нее налипло немало комков снега, поэтому, возьми меня Вернер сейчас на руки, я, пожалуй, совсем не стал бы возражать. Считайте меня мимозой, но вся эта ваша затея с зимой мне совершенно не по нраву!

Очевидно, в моем взгляде читалась мольба, потому что Вернер и в самом деле подхватил меня на руки и выпрямился:

– Разрешите представить: Уинстон – Сандро. Сандро – Уинстон!

Невысокий, значительно ниже Вернера, темноволосый короткостриженный мужчина улыбнулся мне:

– *Чао, гатто неро!* Уинстон, я очень рад с тобой знакомиться.

Мяу! *Гатто неро?* Кажется, по-итальянски это значит «черный кот»? У этого Сандро, кстати, точно такой же акцент, как у чокнутого Франческо, кота, который как-то раз пытался подкатить к Одетте, прикинувшись итальянцем – просто чтобы придать себе загадочности. На самом деле Франческо звали Францем-Иосифом и родом он был из захолустного местечка под названием Веддельброк. Уж не мошенник ли, часом, и этот Сандро? С другой стороны, женщин, на которых можно было бы произвести впечатление этой уловкой, я поблизости не заметил.

Тут он очень церемонно протянул руку и пожал мне лапу:

– О, у *иль гатто неро* совсем колодные лапки! Это не корошо! Вернер, я думаю, кот кочет домой, тебе нужно идти.

Кочет домой? Если имеется в виду «*хочет домой*», то этот тип однозначно разбирается в кошках и, похоже, все-таки не мошенник.

– Да, скоро пойду. Вот только расскажу историю до конца. Потому что кошмарным пением этой мымры дело не закончилось. Дальше – больше, и это косвенно касается даже тебя!

Хм, уж не про Беату ли говорил Вернер?

– Итак, представь себе – на следующий день она звонит мне и заявляет, что Анна якобы пыталась ее отравить!

Да-да. Речь явно про Беату.

Брови Сандро поползли вверх:

– Понятно. А как это касается меня? *Нон каписко!*

– Ну, я же говорю – косвенно. В общем, у Роланда, у нее самой и у детей потом сильно разболелись животы. И ей втемяшилось в голову, будто Анна намеренно приготовила что-то такое, от чего им стало плохо. Что, разумеется, полный бред. Кроме того, Анна в тот день вообще не готовила, а всю еду для праздничного стола я заказывал у тебя.

Сандро ничего не ответил, но, находясь примерно на уровне его глаз, я заметил, что лицо его в тот момент заметно помрачнело. А вот от внимания Вернера это ускользнуло.

– А я считаю, – продолжал он, – что дети подхватили какую-то инфекцию в детском саду и заразили родителей. Хорошо хоть, нас это не затронуло.

Верно. Это и правда очень хорошо – такой боли в животе я никому не пожелаю! Отныне буду обходить Беатиных отпрысков далеко стороной.

Сандро все молчал, а нижняя половина лица у него теперь как-то странно скривилась. В какой-то момент мне даже показалось, что от всей этой истории с Беатой каким-то образом разболелся живот и у него. Очень странно! Чего бы я в тот момент ни отдал, чтобы на секундочку стать пухологом и заглянуть Сандро в голову!

Он поспешно отвернулся и сказал:

– *Чао*, Вернер! К сожалению, мне пора возвращаться к работе. Передай от меня привет Анне. И скорей носи *иль гатто* в квартиру!

Хлоп – и он уже скрылся в своем ресторанчике – так быстро, что Вернер даже не успел сказать «пока». Озадаченно проводив его взглядом, Вернер вздохнул, крепче прижал меня к себе и зашагал в сторону дома.

Мир во всем мире. И даже между Анной и Беатой

Не успел Вернер открыть дверь в квартиру, как я уже понял, что Анна и бабушка вернулись. Их голоса я узнаю всегда и всюду! Ура! Наконец-то больше никакой еды на вынос! В доме 106а по Хохаллее снова будут готовить как положено!

Я проскользнул в дверь вперед Вернера и побежал в сторону гостиной, откуда только что слышались женские голоса. Не говорил ли Вернер утром что-то там о гостинцах, которые Анна наверняка должна мне привезти? Привет, я тут! Где мои подарки?

Но вместо того чтобы обрадоваться при виде благороднейшего и умнейшего кота в мире, бабушка и Анна меня, казалось, и вовсе не заметили. Представьте, они ссорились! Причем по-русски. Вообще для них обеих это родной язык, и, если им порой случается повздорить между собой, ругаются они всегда по-русски.

Мне, в общем-то, все равно, на каком именно языке происходит перебранка, ведь после нашего с Кирой обмена телами я прекрасно понимаю русский. Так что предмет спора мне удалось уловить довольно быстро: как ни странно, и тут не обошлось без ужасной Беаты! Но как же так? Ведь Анне и бабушке даже не пришлось выносить пытку ее певческим номером!

Я заинтересованно наострил уши и выяснил, что Беата оставила на нашем автоответчике злобное сообщение, в котором обозвала Анну «уборщицей», из-за чего та сильно распеживалась, что, в свою очередь, расстроило бабушку. Обе сошлись во мнении, что виноват Вернер. В чем именно – этого понять я никак не мог. Так в чем же все-таки проблема?

Как правило, Вернер и Анна понимают друг друга с полуслова. И это если не сказать больше. На самом деле они пара влюбленных. Нравились они друг другу всегда, но пару недель назад Вернер провернул просто блестящую операцию по спасению Анны из лап ее подлого друга Вадима. Профессору даже пришлось подраться с этим негодяем, хотя вообще-то выяснять отношения на кулаках совсем не в его духе. После этого Анна не просто его поблагодарила, но и назвала героем. Ну а потом Вернер взял да и ПОЦЕЛОВАЛ ее! В губы! Я сначала даже глазам не поверил – ведь обычно мой Вернер очень сдержанный.

Но, решившись на поцелуй однажды, Вернер с тех пор то и дело целуется. Разумеется, целует он не всех подряд, а только Анну. А уж это, насколько мне позволяют заключить мои скромные познания о человеческой любви, неоспоримый признак того, что теперь они пара. Накопилось и множество других свидетельств. Например, они ходят гулять вдвоем – и даже бабушку с собой не берут! Кроме того, Вернер иногда называет Анну *ласточкой*. Благодаря телевизору мне известно: когда люди друг другу нравятся, они дают объектам своей симпатии имена всяких зверушек. Для этих целей хорошо подходит как раз эта самая «*ласточка*», а

еще «мышонок» или «зайчик». (А вот когда любви приходит конец, в ход обычно идут звери покрупнее. Тут уже можно услышать, например, «осел» или «корова».) Да и голос Анны, когда она говорит с Вернером, теперь просто тает от теплоты и нежности. Звучит это очень-очень ласково – ах, как бы я хотел, чтобы и Одетта так со мной ворковала!

– Вернер, мы дома! – громко сказала Анна в сторону коридора – на этот раз по-немецки. Видимо, несмотря на ссору с бабушкой, она все же заметила стоящего там Вернера. – Не подойдешь на минуточку? – спросила она еще громче, и на этот раз в ее голосе прозвучала угроза. Во всяком случае, только что упомянутых мной теплоты и нежности там не было и в помине. Вернер просунул голову в дверь гостиной.

– Привет, ласточка моя, привет, фрау Коваленко. Как хорошо, что вы вернулись! Мы по вам скучали, – произнес он нежным голосом. Или лучше сказать – заискивающим? Кажется, мой профессор, учуял напряжение, царящее в гостиной, и робко добавил: – Все в порядке, ласточка моя?

– Ничего не в порядке, Вернер, вообще ничего не в порядке! – Драматичное закатывание глаз. Мяу, тут даже мне, самому смелому коту в мире, стало страшновато!

– Но что же... В чем же дело, ласточка моя? С Ольгой и ребенком что-то не так?

Ольга – это сестра Анны, которая живет в Кельне. Недавно у нее появился первый ребенок, и Анна с бабушкой ездили ее навестить. Должно быть, младенец – это нечто весьма занимательное. Интересно, Ольга тоже принесла его из детского сада? Может быть, дома она обнаружила, что в детском саду его недостаточно хорошо поливали? Но при чем тут тогда Беата и Вернер?

Анна все еще казалась очень сердитой. Да и бабушка, в общем-то, тоже. На всякий случай я забрался под диван. Отсюда все хорошо слышно, а если сейчас полетят клочки по закоулочкам, то я хотя бы буду в безопасности.

– Нет, Вернер, с Ольгой и ребенком все в порядке. А вот *со мной* нет. Я приезжаю домой, а твоя невестка на автоответчике обзывает меня уборщицей, которая нагло пользуется твоей добротой!

Теперь настала очередь Вернера закатить глаза:

– Ну Анна! Ты же знаешь Беату! Не стоит обращать внимания на ее слова. Сегодня утром я уже все ей объяснил, но она невероятно навязчивый человек и все никак не успокоится.

Мяу! *Навязчивый* – как по мне, это еще мягко сказано! Супердоставучий – вот это будет точнее!

– Вернер, но дело вовсе не в Беате!

– Нет? – удивился профессор.

– Нет. Дело в том, что никто в твоей семье до сих пор не знает, что мы вместе! Иначе Беата вряд ли стала бы называть меня уборщицей и относилась бы ко мне с большим уважением!

Э-э-э, о чем это она? Признаюсь, я не совсем понимал, что Анна имеет в виду. Почему ей так важно, чтобы доставучая Беата знала, что они с Вернером пара? По-моему, чем меньше Беата о ком-то знает, тем лучше! Но по взгляду Вернера я заметил, что он-то как раз понял, что Анна имела в виду. Он сразу стал похож на человека, осознающего свою вину.

– Ну... я... Просто я еще как-то не успел, э-э-э...

Что за жалкий лепет! На Вернера это совсем не похоже! Что-то тут не так!

– Я не верю тебе! – перебила его Анна. – Знаешь, что я об этом думаю?

Вот это очень интересно! Ведь я, в отличие от Спайка, живу не с психологом, а с профессором физики. Чтобы узнать, о чем люди думают, чаще всего мне приходится ждать, пока они сами об этом скажут.

– Э-э... нет... И что же?

– Я думаю, ты меня стесняешься, потому что я всего-навсего экономка.

Вернер широко распахнул глаза и стал хватать ртом воздух. Кажется, Анна ошиблась в своем подозрении.

– Ласточка моя, что ты! И как тебе только в голову такое пришло?!

Вместо ответа Анна судорожно сглотнула, и я заметил, как в ее глазах появился какой-то подозрительный влажный блеск. Уж не слезы ли это? Святые сардины в масле! Насколько мне известно, взрослые люди плачут крайне редко. Значит, положение серьезное!

Тут в разговор вмешалась бабушка.

– Не хватало еще моей дочеррри выслушивать гадости от этой женщины! – недовольно произнесла она с грозным раскатистым «р». – Вернер Хагедорн, Анна крррасивая и очень умная! Настоящая коррролева! Будьте любезны так с ней не обррращаться!

Мяу! Бабушка прямо-таки вошла в раж! Я осторожно выглянул из-под моего наблюдательного поста, чтобы проверить, не пошла ли у нее еще пена изо рта. Но, к счастью, до этого пока не дошло. Впрочем, Вернер стоял с таким видом, словно ему только что дали пощечину.

– Но госпожа Коваленко! Я совершенно шокирован – Беата оскорбила Анну?! Разумеется, это совершенно недопустимо! Да что же она такого сказала?

– О, пожалуйста, можешь сам послушать! – Анна схватила со стола телефон и протянула ему.

Вернер нажал кнопку, и мы все услышали сообщение, оставленное Беатой на автоответчике:

– Вернер, это снова Беата! Знаешь, это уже ни в какие ворота не лезет: бросать трубку только потому, что я критикую твою уборщицу. Правда глаза колет, так получается? Ну ладно, допустим, эта женщина нас не травила – но уборщица из нее все равно никудышняя! На всех подоконниках пыль. Я в воскресенье сама проверила! Мой тебе совет: выстави эту даму за дверь и найди новую помощницу по хозяйству!

Вернер просто задохнулся от возмущения. Было слышно, как он судорожно задышал, да я и сам не мог больше отсиживаться под диваном. Какая неслыханная дерзость!

– Ласточка моя! Это ужасно! Я сейчас же позвоню Беате и все ей выскажу!

Анна покачала головой:

– Нет, не нужно. Меня огорчает не наглость этой женщины. Меня огорчает, что она явно понятия не имеет, что мы с тобой пара. Иначе она не позволила бы себе таких слов. Выходит, ты никому о нас не рассказал. Вот это меня и расстраивает.

Вернер смущенно уставился в пол, потом поднял голову и предпринял попытку объяснить:

– Но, милая, я никогда не рассказываю Беате о чем-то личном. Зачем мне это? Она известная сплетница, и я ее недолюбливаю. С чего бы вдруг я стал с ней разговаривать о тебе?

Глаза Анны вновь засверкали. Но на этот раз в них были не слезы, а скорее... вне всяких сомнений: это был гнев.

– Вернер, речь не об этом. Ты вообще *никому* в семье не рассказал, что у нас отношения. Даже матери и брату. Иначе Беата была бы в курсе. И я знаю почему. Ты просто не хочешь, чтобы я стала частью твоей семьи. Вот почему!

Конечно, я не очень-то разбираюсь во всех этих человеческих-семейных-любовных делах, но вынужден признать, аргументы Анны не оставили меня равнодушным. Не знаю как остальным, но мне, коту, они показались вполне убедительными. Взглянув на бабушку, я понял, что она такого же мнения. Вернер закатил глаза и вздохнул так тяжело, как будто ему на шею повесили мельничный жернов:

– Ну как только тебе в голову приходит такой вздор?! Я совершенно не против представить тебя своей семье в качестве спутницы жизни.

Но Анна не дала сбить себя с толку:

– Докажи это!

– Как же я должен это доказать?

– Понятия не имею. Придумай что-нибудь.

– Ласточка моя, мое сердце принадлежит тебе одной. Но тебе придется поверить мне на слово – никаких доказательств тут быть не может!

Хм, в этом что-то есть. Даже у такого невероятно умного кота, как я, не нашлось на этот случай готового решения. Ведь среди нас нет читающих мысли пухологов. И только у бабушки вид почему-то вдруг стал очень довольный:

– Ой, Анна, я, кажется, знаю, как прррофессор может доказать свои чувства к тебе!

Вернер и Анна посмотрели на нее с удивлением – что бабушка, очевидно не без удовольствия, про себя отметила и специально выдержала торжественную паузу, прежде чем продолжить. Потом она милостиво кивнула и изложила свой план:

– Господин прррофессор, на носу сочельник и Рррождество. Здесь, в Германии, это большой семейный пррраздник. У меня есть немецкие корни, поэтому я знаю об этом.

Вернер кивнул:

– Да, вы правы. Большинство немцев проводят сочельник с семьей. Впрочем, в последние годы я старался этого избегать – не очень-то люблю праздновать Рождество.

– Да-да, так я и думала, – окинула его взглядом бабушка. – Но в этом году вы поступите иначе. В этом году вы позовете всю семью к себе в гости. И мы отпррразднуем все вместе: вы, Анна, Киррра, я, ваши мама, сестррра, брррат и ужасная Беата с детьми. И, может, еще семья Ольги. Отметим вместе Рррождество – и станем настоящей семьей! Все!

Что?! Надеюсь, она предлагает это не всерьез! Сюда еще раз нагрянет вся банда целиком? Будь я собакой, я бы в тот момент завыл. А так мне оставалось лишь жалобно мяукнуть себе под нос. Взглянув на Вернера, я понял, что от этой мысли он был далеко не в восторге – в отличие от Анны, которая хлопала в ладоши, сияя улыбкой. Кажется, ей действительно понравилась идея посиделок с дурацкой Беатой под рождественской елкой. Вернер набрал в грудь воздуха и откашлялся. Сказать энергичной бабушке, что ее предложение никуда не годится, – для такого, разумеется, нужно собраться с духом!

– Госпожа Коваленко, какая замечательная идея! Именно так мы и поступим, да, ласточка моя?

Анна ничего на это не ответила – вместо этого она бросилась Вернеру на шею и поцеловала его.

Объявление, хороший план и китайский император

Я с любопытством заглянул Кире через плечо и попытался разобраться, что она там рисовала маркером на листе бумаги. Она сидела передо мной на полу, а я для лучшего обзора удобно расположился на ее кровати, откуда мне все было прекрасно видно.

Внимание!!!

Присматривайте за домашними животными!

До этого момента все мои члены сковывала ужасная слабость, потому что бабушка явно перестаралась с обедом и я переел гусиной печени. Но тут меня словно током ударило, несмотря на сытую истому. Да это же ведь о кошконеахистнике! О том самом ужасном мучителе животных, о котором Кира рассказывала мне пару дней назад! Я подвинулся к самому краю кровати и навис прямо над Кириным плечом, которое как раз оказалось вровень со мной. Отлично! Так все видно куда лучше.

– Ай, Уинстон, ты мешаешь мне писать, – с этими словами она отодвинула меня подальше от края матраса. – Навис тут со своими усами, у меня аж мурашки по коже побежали.

Мурашки? Какие еще мурашки? У нас в квартире завелись муравьи? Я посмотрел на нее с удивлением.

Кира засмеялась:

– Да это просто такое выражение, Уинстон, это значит, что кому-то щекотно. Человеческая поговорка такая, понимаешь?

Вот оно что. Так бы сразу и сказала! Теперь-то понятно – в подтверждение я мурлыкнул. Отогнуть себя я, впрочем, все-таки не позволил – слишком уж захватывающей казалась мне вся эта история!

Кира вздохнула и снова повернулась к листу бумаги.

Дорогие любители кошек и собак!

Жизнь ваших домашних питомцев в опасности!

У нас в округе завелся злоумышленник.

Он раскладывает отравленную приманку: кусочки ливерной колбасы, сардины в масле и прочие лакомства, на первый взгляд очень вкусные. Но съевшие их звери тяжело заболевают и даже могут умереть!

Поэтому не позволяйте своим животным ничего подбирать на улице!!!

Мяааааууууу! Тут меня даже холодный пот прошиб! Перед моим мысленным взором предстал Спайк, который корчился в судорогах, проглотив какую-нибудь особенно аппетитную

сардину с обочины дороги. Нет, успокоил я себя, Спайк уже предупрежден, а значит, в безопасности. Но Кира совершенно права насчет объявления – чтобы предотвратить беду, нужно и людей поставить в известность. Правда, еще вопрос, сколько двуногих увидят и прочитают его. Беспокойно размахивая хвостом, я задумался о том, где лучше повесить этот листок.

– Уинстон, с тобой все в порядке? – Кира внимательно оглядела меня и погладила по спине. – Ты выглядишь таким напряженным. Живот все еще болит? Или тебя так сильно беспокоит эта ситуация?

Я громко мяукнул.

– Да, очень хорошо тебя понимаю, – кивнула мне подруга. – У меня тоже просто в голове не укладывается, как человек может творить такие ужасные вещи. Сейчас я допишу объявление, мы его размножим на принтере, а потом вместе с Томом и Паули расклеим по всему кварталу. Думаю, это должно помочь!

Ах, так вот как Кира собирается поступить! И правда отличный план! Разумеется, это куда действеннее, чем разговаривать с каждым человеком по отдельности. Я же задумался, как мне оповестить побольше кошек. Конечно, предупредить всех моих друзей во дворе было уже неплохо – но что такое трое, если на одной только Хохаллее живет, наверное, не меньше сотни кошек. А то и больше!

Вариант с расклеиванием объявлений мне, само собой, не подойдет, потому что, во-первых, у меня лапы – как ими приклеить листовку на дерево или фонарь, я даже не представляю, а во-вторых, я единственный кот во всей округе, умеющий читать. А значит, если я хочу войти в историю Хохаллее как герой, нужно придумать что-то другое. Только вот что?

Раздался звонок, и Кира выскочила из комнаты, чтобы открыть входную дверь. Вскоре послышались знакомые голоса Паули и Тома. Это лучшие друзья Киры – и в школе, и в обычной жизни тоже. И хоть они совершенно разные – Том весь такой спокойный и задумчивый, а Паули кипучая и слегка взбалмошная, – но вместе они отличная команда. Ну, по крайней мере, мне так кажется. Кире с ними по-настоящему повезло – ведь, если честно, среди детей попадаются и совершенно отвратительные (если мне, четвероногому, позволительно так говорить). А в классе, где учится Кира, процент вредин, по-моему, вообще значительно выше среднего – в этом мне однажды довелось убедиться лично.

Паули вошла в комнату и присела рядом со мной на кровать:

– Ну что, шеф? Ты снова в порядке?

Вот это приветствие так приветствие! Конечно, я бы не отказался и от «*великого мастера*», но и «*шеф*» – уже шаг в правильном направлении. Я перевернулся на спину, замурчал и стал ждать, что Паули почешет мне живот. Но вместо этого она взъерошила свои и без того торчащие в диком беспорядке черные-пречерные волосы, схватила все еще лежащий на полу листок и опять прилегла рядом со мной – чтобы тут же вновь подскочить, когда в комнату вошли Том с Кирой. От людей вечно столько суеты!

– Кира, ты же упустила много важного! – воскликнула Паули, потрясая листком. – Например, нужно указать номер полиции – для заметивших что-то подозрительное! Или даже лучше наш номер, потому что на полицию полагаться нельзя – они слишком заняты поимкой грабителей, взломщиков и так далее. Кошконенавистники их вряд ли интересуют! Придется нам взяться за дело самим!

Том задумался и поправил очки на носу:

– Не знаю. Распространение отравленной приманки – признак состава преступления по статье «Жестокое обращение с животными». В этом случае полиция *обязана* что-то предпринять.

Паули усмехнулась:

– О боже, ты сейчас говоришь почти как мой отец!

Отец? Я наострил уши. Раньше я всегда думал, что у Паули вообще нет отца. Ну то есть мне было ясно, что у каждого человеческого ребенка – если его все-таки не приносят в виде рассады из специального садоводства – есть отец. Но некоторые отцы потом каким-то образом исчезают. И вот у Паули как раз такой. По крайней мере, так я предполагал. Но, видимо, ошибался. В голове у Тома в этот момент, похоже, пронеслись похожие мысли, потому что он наморщил нос и переспросил:

– Твой отец?

Паули кивнула:

– Ну да. Мой отец адвокат. Мы почти не видимся, он живет в Гейдельберге. Но когда я приезжаю его навестить, он обычно несет подобную пургу. Типичная адвокатская болтовня. Иногда мне кажется, что он хочет как лучше, пытается объяснить мне, как устроен мир, а по-другому не умеет. Мама говорит, он всегда был таким. Удивительно, как ей тогда вообще удалось в него влюбиться, – пожала плечами Паули. – Впрочем, это к делу не относится. Я все же стою на своем: если мы хотим спасти животных нашего квартала, не стоит полагаться только на полицию. Потому что *предупредить – это хорошо. А поймать – лучше*. Поймать кошконенавистника, я имею в виду.

Кира наморщила лоб:

– Это, конечно, верно. Лучше было бы поймать кошконенавистника. Ведь предупредить всех и каждого у нас все равно не выйдет. Столько объявлений нам не развесить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.